Зимние ДЕТЕКТИВНЫЕ истории

Татьяна **УСТИНОВА**

Татьяна **ГАРМАШ-РОФФЕ**

Галина **РОМАНОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Зимние детективные истории

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Зимние детективные истории / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-117281-7

Зимние дни обладают ни с чем не сравнимым очарованием. Когда за окном непогода, а дома тепло и спокойно, это дарит особенное ощущение уюта. В такое время приятно налить чашечку кофе или чая, удобно устроиться с хорошей книжкой и на время забыть обо всем. Такую возможность вам с радостью подарят любимые авторы – Татьяна Устинова, Татьяна Гармаш-Роффе, Галина Романова – и другие известные писательницы. Их увлекательные остросюжетные рассказы, вошедшие в сборник «Зимние детективные истории», непременно порадуют вас и принесут отличное настроение!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117281-7

© Устинова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Гармаш-Роффе 5
Галина Романова 8
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Зимние детективные истории

Татьяна Гармаш-Роффе
Фиолетовый февраль

Памяти моего сына

Славик смотрел в окно. День был молочно-сер и лилов, и густые, влажные хлопья снега занавешивали двор, насыщая тени этим самым лиловым… Или сиреневым? Славик еще не очень хорошо разбирался в оттенках цветов. Мама говорила, что «*lilas*» – это сирень по-французски, но тогда выходило, что *сиреневый* – от слова «сирень», и *лиловый* от него же… Так один это цвет или разный?! А фиолетовый, говорила мама, – это от слова «фиалка», и это темнее и гуще, почти как чернила… Славик никогда не видел ни фиалок, ни чернил, но ему казалось, что само слово «февраль» фиолетовое.

В пелене мокрого, вязкого снегопада копошились дети, а вокруг них прохаживались бабушки и папы. Славику хотелось к этим детям, туда, во двор, – лепить из мокрого снега комки, бросаться ими и бегать, то догоняя, то уворачиваясь, пока не станет жарко под шарфом, и он сорвет его с себя, и мокрые варежки сунет в карман, и начнет лепить снежки горячими ладошками, и мама будет кричать: «Славик, надень варежки!»

Но мама была занята: она что-то готовила на кухне, и оттуда доносились запахи, которые он терпеть не мог: пахло жареным луком и рыбой. Он рыбу с жареным луком есть любил, но почему-то совсем не любил, когда пахло с кухни… Ему придется ждать, пока мама закончит готовку и сможет выйти с ним во двор: ему не разрешалось гулять одному в его неполных пять лет. А бабушка… – она жила в другом городе и не могла пойти со Славиком. А папа… Когда Славик спросил, где живет папа, мама сказала: «Он ушел». Славик немного подумал и задал вопрос: «А почему он не вернулся?»

– Он заблудился, – помолчав, ответила мама.

Славику представилось тогда, что папа вышел вот в такой день, как сегодня, когда часто падали крупные хлопья и все сделалось молочно-серым и лиловым, – и папа шел-шел сквозь февральский снегопад и заблудился. Потому что февраль – слово фиолетовое, как цветы фиалки и чернила, и в нем легко заблудиться… Поначалу Славик ждал, что папа найдет дорогу домой, но это было в другом феврале, он не помнил, в прошлом или позапрошлом… Теперь он больше не ждал. Ему хорошо было и с мамой. Только вот приходилось потерпеть, пока она дожарит рыбу.

Оторвавшись от окна, Славик обвел глазами комнату. На полу лежал разобранный конструктор – любимое его занятие, – но сейчас отчего-то не хотелось в него играть. Он вяло повозил по полу несколько машинок, подвыл пожарной, которая резво въехала под шкаф – да так там и осталась. В другое время Славик бы развернулся (развернул машинку) и, весело завывая дальше, покатил бы ее к двери комнаты, затем по коридору, затем на кухню, пока не уперся бы в мамины пятки. Но сегодня почему-то не хотелось. Сегодня ему было грустно. Он сам не знал отчего. Просто грустно, вот и все. Лиловое какое-то все. Или сиреневое. Или даже фиолетовое.

Он осмотрелся в поисках чего-нибудь нового. И вдруг увидел на диване несколько альбомов. Он вспомнил: вчера мама разбирала фотографии. Вчера Славика данное действо ничуть не заинтересовало, но сейчас, охваченный странной и тревожной грустью, он подошел к дивану и открыл тяжелую обложку альбома. Перелистнул одну страницу, другую… И вдруг замер. На

него с одной из фотографий смотрела девочка. Наверное, ей было пять лет, как и Славику. В венке из полевых цветов и колосьев на светлой головке, она смотрела прямо на Славика, протягивая ему на раскрытой ладони несколько ягод земляники, и ее широко распахнутые глаза были такими веселыми, такими дружескими! А рядом с ее головой было солнце, и на этой фотографии все было желтое и белое, прозрачное, чистое!

Он сразу представил себя там, на этой полянке, рядом с девочкой, – и уже видел, как они с ней начали вместе собирать землянику, и как стали играть в прятки, и как смеялись, и как поспорили, кто больше земляники соберет, и как ягоды смялись в его ладошке, когда он принес полную горсть… И как потом они решили взять кружку, чтобы не мять землянику, и как набрали ее доверху, и принесли ее маме… И как мама обрадовалась, и как они все втроем стали есть ягодку по ягодке из кружки: он, мама и эта девочка в венке… Такая хорошая и такая родная.

– Мам, – Славик притащил тяжелый альбом на кухню, – мам, а кто эта девочка? Я хочу с ней дружить!

– Ты с ней уже дружишь, – улыбнулась мама как-то особенно.

– Нет! Я ее не знаю!

– Знаешь. Это, Славик, я.

– Ты-ы-ы? – не поверил он.

– Я. Когда была маленькой девочкой.

– А куда делась эта девочка теперь?

– Ее теперь нет, потому что…

– Она умерла?! – перебил маму Славик, преисполнившись отчаяния. Он слыхал, что есть такая ужасная штука, смерть, и она иногда вырывает людей из жизни.

– Да нет же, я просто выросла, стала взрослой!

– Но девочка эта – где она теперь?

– Славка, я же тебе говорю: она выросла. Я – выросла. А тогда была маленькой. Такой, как ты сейчас!

– Ты сейчас моя мама! А девочка эта – где она?

Мама оторвалась от плиты, прикрутив газ. Присела на корточки, заглянула сыну в глаза.

– Понимаешь, Славик, мы все растем… меняемся… Ты тоже вырастешь… И больше не будет этого маленького мальчика, какой ты есть сейчас…

– Я умру?! – изумился Славик.

– Да нет же, – растерялась его мама, не зная, как объяснить сыну феномен времени. – Ты не умрешь, конечно, нет! Ты просто станешь другим!

– Но тот, который я сейчас, – куда он денется?

– Ты вырастешь, – досадливо повторила мама. – Станешь однажды большим дядей… Иди поиграй, я скоро закончу, и мы пойдем гулять.

– Но я не хочу дядей быть!

Мама ему не ответила – не нашла слов – и отвернулась к плите. Не тут-то было, Славик потянул ее за фартук.

– Мам! А куда денусь я?! – он ткнул себя пальчиком в грудь. – Я не хочу, чтобы меня больше не было!!!

Вот ведь беда: сын уродился философом и норовил познать тайны бытия – тайны, которые пока никто еще не разгадал! При этом он требовал ответа от матери, а она не могла его дать.

– Малыш, время не спрашивает нашего согласия…

– Как же это так, Время? – спросил Славик, и глаза его наполнились слезами.

* * *

…Много, много лет спустя Станислав Игоревич, известный и талантливый художник, покидал кладбище. На могильном камне с овальной фотографии сияла счастьем та маленькая девочка, которой была когда-то его мама. Под ней была выбита надпись: *МОЕМУ ЛУЧШЕМУ ДРУГУ – МОЕЙ МАМЕ: МЫ С ТОБОЙ КОГДА-НИБУДЬ ВСТРЕТИМСЯ И БУДЕМ ВМЕСТЕ СОБИРАТЬ ЗЕМЛЯНИКУ*.

Станислав Игоревич утер глаза, садясь в машину. Его секретарь промолвил:

– Нестандартная у вас надпись на камне, Станислав Игоревич…

Комплимент был в этих словах или скрытая критика? Слава не знал и знать не хотел.

– У меня и мама была нестандартная, – сдержанно ответил он.

Переждав, пока разойдутся гости и родственники, Станислав Игоревич снял с себя черный костюм, стянул галстук, влез в привычные джинсы и достал с нижней полки книжного шкафа альбомы с фотографиями. Он разложил снимки матери в ряд и под каждым из них поместил свои, соответствующие по возрасту. Некоторое время он разглядывал фотографии, затем вывел пальцем из рядов две: где маме было пять лет и ему столько же. Положил их рядом.

Они были похожи. Та девочка в венке из полевых цветов, с ясным и дружеским взглядом, протягивала на ладошке землянику тому, кто смотрел на эту фотографию; и он сам, точно с таким же взглядом, протягивал в объектив свою любимую пожарную машинку, готовый поделиться, готовый принять весь мир в друзья.

Он не заметил, как сын подлез под руку.

– Кто это? – ткнул маленький Игорь в фотографию девочки с земляникой. – Мне нравится эта девочка, кто она?

Пока Станислав Игоревич раздумывал над ответом, сын переключился на другой снимок.

– А этот мальчик кто? Я хочу с ним дружить, пап! Ты нас познакомишь?

– Видишь ли… Эта девочка… это твоя бабушка… А мальчик – это я.

– Как это? А куда они делись? Куда… куда вы делись?

– Мы никуда не делись, Игорек. Мы просто изменились.

– И что… теперь этой девочки… и мальчика этого… их больше нет?!

– Они есть, сынок. Они есть!

– Но ведь бабушка… Бабушка умерла!

– Нет, она просто *изменилась*, сын. Но она осталась навсегда с нами. Вот здесь, – он указал на фотографии. – И я, я тоже буду постепенно изменяться… И тоже останусь здесь. Пока ты смотришь на эти фотографии, пока ты думаешь о нас – мы всегда будем с тобой, Игорек…

Галина Романова
Второй подарок судьбы

Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мутило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания.

Когда же она перестала любить самый дорогой свой праздник? Тогда, когда за праздничным столом она осталась в полном одиночестве и выла под бой курантов, комкая край нарядной скатерти? Или как раз в тот неожиданный момент, когда ударил ей в нос этот самый запах свежеспиленного дерева, пришло отвращение? Точно и не скажешь. Все смешалось, наслоилось друг на друга, и отделить теперь одно ощущение от другого вряд ли возможно. Да и не хочется, если честно, опять больно очень будет.

Раньше, когда живы были папа, мама и ее любимый муж Ванечка, она обожала Новый год. Они начинали готовиться к празднику за месяц. Да что там за месяц! Сразу после ноябрьских праздников и начинали готовиться. Составлялось праздничное меню, над обсуждением которого все домашние ломали голову, дополняя, вычеркивая, советуя. Потом потихоньку покупались продукты. Сначала жестяными банками обрастали кухонные полки, потом – вакуумными упаковками, а чем ближе к самому празднику, то уже и мясо приобреталось, непременный гусь, а однажды даже был куплен молочный поросенок. И еще, конечно, мандарины. Покупали их они ведрами, и никогда не бывало много. Забивали ими все до единой вазы для фруктов. Громадный стеклянный куб в гостиной, служивший столом для газет, переворачивался на попа и набивался мандаринами под завязку. И пахло в доме так чудесно, так празднично: мандаринами, пирогами, жаренным по исключительным специальным рецептам мясом, зеленым луком и свежими огурцами. И хвоей, конечно же, тоже пахло, и нравилось это тогда, очень нравилось.

Они с Ванечкой вместе наряжали мохнатую красавицу, оспаривая друг у друга место для каждой сосульки, каждого шарика и мишуры. И она тогда подолгу держала в руках каждую еловую лапу, втягивая в себя запах незыблемого праздничного удовольствия, оно же ведь именно так пахло-то. А потом…

Потом был краткий репортаж в новостях с бегло струившимися по экрану фамилиями погибших в авиакатастрофе. Потом буквы бежать по экрану перестали, сменившись тремя телефонными номерами, по которым необходимо было позвонить родственникам погибших для каких-то там нелепых уточнений. Что можно было уточнить, если погибли все! Все до единого, включая экипаж!!!

И все! На этом все и закончилось. Закончилось ее счастье, безмятежное ожидание дня грядущего, закончилось ожидание самого любимого из самых милых праздников. Она больше не наряжала елку, не закупала продукты, не составляла меню и почти ничего не готовила к праздничному столу. Зачем?! Для кого?! Друзья и родственники усиленно зазывали ее ежегодно в канун тридцатого декабря. Пытались растормошить, взбудоражить, заставить очнуться, она отказывалась:

– Я привыкла Новый год встречать дома.

Она нисколько не лукавила, отвечая на приглашение отказом. Это было так. Каждый раз, из года в год – только дома. Только в родных стенах, с родными людьми. Она привыкла…

От прежних привычек мало что осталось. Только вот мандарины она по-прежнему покупала. Не так много, как раньше, но покупала, по той же самой привычке переворачивая стеклянный куб.

– Здравствуйте, Настя.

Из двери соседней квартиры вышел небритый, никогда не улыбающийся мужик, сунул в карман зимней куртки с меховым капюшоном пачку сигарет, похлопал себя по карманам, словно искал что-то, но вдруг опомнился, повернулся к ней и буркнул:

– С наступающим вас праздником.

– Здравствуйте. Спасибо. Вас также, – ответила она тихо, совсем не помня, как зовут нового жильца.

Знала, что они переехали с полгода назад, может, чуть больше. Знала еще, что скандалили с женой постоянно. Слышимость в их доме была исключительная, стена их спальни соседствовала со стеной спальни Насти. Хочешь не хочешь, а узнаешь, как ненавидит она похотливого козла, а он видеть не может безмозглую стерву.

Еще у них был сын, подросток. Машина, кажется, какая-то имелась, потому что сосед постоянно крутил на пальце ключи. А вот как зовут его…

Нет, она не знала или не помнила, черт его знает. Жену вроде бы Леной звали. Он часто называл ее по имени. Сына – точно знала, что Тимур. А вот самого хозяина ей не представили. Неудобно как-то получалось. Он ее всегда – Настя, Настя, а она…

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Вы не скажете, как вас зовут? Как-то неудобно, вы мое имя знаете, а я ваше – нет… Может, вы и представлялись когда-то, а я забыла. Извините.

Панкратов уже успел опустить ногу на одну ступеньку, решив, что не поедет сегодня лифтом, а пойдет пешком. Ему требовалось немного привести себя в чувство после очередных откровений любезной сердцу супруги, начитанных ему полчаса назад по телефону. Досчитать до сотни или до тысячи, к примеру, лишь бы перестать сжимать кулаки в карманах и перестать ненавидеть мать своего сына так люто, так остро, что все чаще хотелось ее удавить.

Девушка из соседней квартиры совершенно неожиданно окликнула его. Обычно рот ее едва размыкался для скупого приветствия. И смотреть-то на него она почти не смотрела, а все больше – мимо. А тут вдруг имя его ей понадобилось. Позабыла, говорит! А он и не представлялся ей никогда. А ее имя он узнал из сводок. Просто как-то с перепугу или от безделья сделал запрос на свою соседку и получил скупую казенную информацию, от которой у него моментально взмокла спина. Он тут же и неприязненную отчужденность ей сумел простить, и то, что однажды она захлопнула дверь у него перед носом, отказав в кружке сахара.

Настя похоронила всю свою семью! Вернее, то, что осталось фрагментарно от ее родных, то, что смогли собрать, что уцелело в той жуткой катастрофе. Мать, отца, мужа, с которым не успела дожить до трехлетнего юбилея их свадьбы. Она осталась совершенно одна. Ни с кем из соседей, как он потом узнал из бестолковой болтовни своей жены, она не общалась. На субботники во двор выходила регулярно, но, отмахав положенное время метлой, уходила, так и не обмолвившись ни с кем ни словом.

– Гордячка хренова! – фыркала Лена, успев за полгода окружить себя целой толпой сплетниц, полирующих задницами дворовые скамейки. – Много о себе понимает! Ей бы судьбу свою устраивать, мужика себе найти, дите родить, а она от всего мира отгородиться хочет. Так и останется одна, годы идут, а глянуть-то особо не на что!

Здесь супруга Панкратова привирала безбожно. Настя была очень симпатичной, очень. Среднего роста, светловолосая, с пронзительными черными глазищами, тонкой талией и такой потрясающей попкой, что…

Короче, Панкратов очень долго и очень честно пытался оставаться безучастным.

Ну, живет по соседству с ним – из двери в дверь – девушка, и что? Ну, одинокая, ну, симпатичная, ладненькая, и что дальше-то?! Зайти порой к ней хочется, да? Хочется позвонить в ее дверь, обходя свою стороной, и переступить порог? Ну а дальше-то что? Что?!

Дальше ничего у Панкратова не выходило. Ничего романтического, красивого, испепеляющего и обжигающего изнутри вырисовываться не хотелось.

Настя оттолкнет его, в лучшем случае. В худшем – закричит или даже ударит. И плевать ей наверняка на его нежность, от которой его начинало трясти, как подростка. Ладони становились липкими, когда он стоял позади нее в лифте или возле дверей на лестничной клетке. Плевать на то, что он часами не мог заснуть, высверливая воспаленными от темноты глазами в общей стене их спален дырки. И уж, конечно, она совсем не была обеспокоена тем, что он вот уже как три месяца не может спать со своей Ленкой из-за нее.

Ей плевать на него, на его чувства, на то, что его брак, как подбитый корабль, стремительно идет ко дну, и ему просто необходимо сейчас что-то изменить в своей жизни, что-то нужно предпринять, срочно, чтобы выжить, или хотя бы начать пытаться. А как без нее? Без нее-то не получится.

– Меня зовут Сергей, Настя. Панкратов Сергей. – Он вернулся, встал с ней рядом и протянул руку – идиот – как боевому товарищу. И снова повторил: – Сергей…

– Очень приятно. – Она раздумывала минуты три, прежде чем решилась снять варежку и вложить свою ладонь в его пальцы. – А я Настя.

– Мне тоже очень приятно. Вы… Вы как поживаете, Настя?

Еще раз идиот! Панкратов едва не застонал вслух от своей косноязычной тупости. Ничего умнее не придумал, как о ее житье-бытье спрашивать?! Знает ведь все доподлинно: работа – дом, дом – работа, магазины и редкие визиты к родственникам. Больше ничего в ее жизни нет. Нет места чему-то еще. Какого, интересно, ответа он ждал?

А ответ неожиданно его сразил.

– Я… Я очень плохо поживаю, Сергей. – Ее ресницы часто-часто затрепетали, пытаясь проморгать застаревшее горе. – Очень! Новый год скоро, а я… Я ненавижу его теперь! Такая непроходимая глухая тоска… Господи, что я несу?! Простите, мне пора…

Она выдернула свою ладонь из его пальцев, повернулась к нему спиной, быстро вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Настя почему-то замешкалась и дверь не толкнула ногой, чтобы та захлопнулась. Она же всегда так делала: заходила и, прежде чем пристроить пакет с сумкой на столике под зеркалом, пинала дверь ногой. А сегодня не стала. А когда повернулась, успев стянуть с головы шапку вместе с резинкой для волос, он уже вошел. Вошел, закрыл за собой дверь и стоял теперь, привалившись к ней спиной.

– Сергей? Вы… Вы что тут делаете? – Она растерялась, начав растягивать резинку для волос в подрагивающих пальцах. – Вы вошли без приглашения, вам не кажется?

– Кажется, – согласился он покорно. – Но еще мне кажется, что я его никогда не дождусь.

– В смысле?!

– В смысле: приглашения не дождусь. А мне бы этого очень хотелось. Вы, Настя… Вы удивительно хрупкий и ранимый человек, я очень боюсь вас обидеть, напугать и… Можно, я все-таки произнесу то, что хочу сейчас сказать? Не хочу мямлить, как герой из мелодрамы, который всегда замолкает в самом неподходящем месте, оставив все самое главное и нужное недосказанным. Можно, я вам все скажу?

Что ей делать с ним? Она не испугалась, нет. Не в лесу же! Не разбойник вооруженный напротив, бояться особенно было нечего, но…

Но она почти знала, что он скажет. Почти догадывалась. Последние две недели отчетливо слышала из-за стенки, как орал он своей жене, что не любит ее, не хочет так больше жить, что так невыносимо и нужно что-то менять и он готов.

– Я не готова, – произнесла она вслух, покачав головой. – Сергей, я… Я думаю, что я не готова услышать от вас что-то такое… Вы можете ошибаться, а мне… Мне во второй раз просто не пережить каких бы то ни было потерь, я…

– Вам нужно попытаться просто жить, понимаете! Просто начать жить, Настя! Я все последние месяцы думаю постоянно о вас. Вернее, ни о ком другом я просто не думаю, только о вас. Мне очень трудно сейчас. Очень!

– Вам не кажется, что роман с соседкой отдает пошлостью?

Его нужно выгнать! Нужно обойти его слева. Открыть замок и выставить его вон, пока его жена не вернулась с работы. Пока не застукала его, выходящего из ее квартиры. И не устроила один из своих безобразных скандалов, на которые она была мастерица. Нужно все это сделать, чтобы прекратить эту непристойность. И чтобы этот небритый неулыбчивый мужик перестал смотреть на нее так, что сводит коленки. И замолчал бы наконец, перестав нести вздор о каких-то там неожиданно вспыхнувших чувствах.

– Господи, Сергей, какая любовь?! О чем вы говорите?! – Она отвела от него взгляд с одной лишь целью – не уступать ему, удержаться. – У вас семья, сын. Как вы представляете себе наши отношения? Вы станете шастать ко мне, когда их нет дома? Станете прислушиваться к звукам поднимающегося лифта, прежде чем выйти из моей квартиры? Станете в глазок обследовать лестничную клетку, прежде чем открыть дверь? Это гадко!

– Да, гадко. Но я не так хочу.

Панкратова скрутила такая непроходимая тоска, что хоть бейся головой о ее металлическую дверь. Она думает о нем как о мерзавце. Он для нее – обнаглевший самец, и только. Обнаглевший, небритый, уставший от дома и семьи самец, которому вдруг взбрело в голову завести интрижку со своей симпатичной соседкой.

– Я хочу, чтобы все было не так. По-другому хочу, Настя.

– Как?

– Я уйду от нее.

– Ко мне?! Но позвольте!.. Я имя-то ваше узнала десять минут назад, а вы такие вещи мне говорите! Уходите! Уходите, Сергей.

И она обошла-таки его слева. И замок начала открывать, хотя разволновалась и пальцы чуть подрагивали.

Нужно, нужно, нужно срочно выставить его из квартиры. Пускай уходит на все четыре стороны! К жене, к сыну, к своим домашним тапкам и любимому, продавленному его задом креслу. Пускай оставит ее в покое! В том самом гнетущем, опустошившем за минувшие годы душу и мысли покое. В покое, заставившем ее позабыть, что она – женщина!

Черт бы все побрал на свете! Все не желающие долететь до земли самолеты!!! Все погубленные чужие жизни!!! Все потухшие судьбы, оставшиеся существовать на земле! Все обеты никчемной верности! Верности меркнувшим призракам. Все те праздники, которые умоляешь обернуться скорым сновидением, чтобы они не тянулись так долго!

– Настя… – Его руки легли ей на плечи, и Сергей потянул ее на себя, подальше от двери и не поддающегося ее пальцам замка. – Настя, не надо…

Как же быстро!

Она совершенно успела позабыть за минувшие после катастрофы годы, какими сноровистыми и умелыми могут быть мужские руки. Как незаметно они могут расстегнуть зимнюю куртку и швырнуть ее куда-то к ногам. И как пальцы обжигают кожу, она тоже позабыла. И губы – какими они могут быть настырными, а щетина – совсем не грубой. Она все позабыла, все! И только теперь поняла, как скучала без всего этого. Как ей не хватало именно этого безумного натиска, этих пустых слов, выдыхаемых судорожно сведенным ртом. С неузнаваемой, не свойственной ей ненасытностью она хватала его за плечи, бедра, стягивала с него растянутый мешком свитер. Бесстыдно дергала за ремень на джинсах и стаскивала их с него, опустившись перед ним на колени. Жадно захватывала его губы своим обезумевшим алчным ртом и что-то тоже шептала, шептала, шептала ему в ответ. Что-то, во что неумолимо верилось…

– Настя, – Панкратов накрыл ее губы ладонью, когда она, оттолкнувшись от стены, попыталась что-то сказать. – Ты только ничего сейчас не говори, хорошо?

Она пожала плечами, оглядываясь. Свалка из их вещей в прихожей получилась внушительная. Как они успели так стремительно раздеться, ума не приложить! Словно ураганом сорвало с них джинсы, свитера и ботинки. Как вихрем!

Ничего не говорить…

А что она может ему сейчас сказать? И что ответить, если он ее о чем-то спросит? Да ничего! Все произошло слишком стремительно, слишком, чтобы это могло поддаваться каким бы то ни было обсуждениям и анализам. Да и стоит ли? Он сейчас оденется. Осторожно выглянет из-за двери и уйдет. Он ведь куда-то собирался, когда она окликнула его. Может быть, даже встречать свою жену с работы. Вот и пойдет доделывать то, от чего его так некстати оторвала выбившаяся из-под контроля страсть женщины, живущей по соседству.

Штаны он застегивал, повернувшись к ней спиной. Долго чертыхался, пытаясь застегнуть ремень, шнуровал зимние ботинки тоже с неудовольствием на лице. Настя одеваться не стала. Продолжала стоять голой посреди прихожей и смотреть на него со смесью вины и сожаления.

– Не смей на меня так смотреть! – вдруг рявкнул он, хватая ее за спину и привлекая к себе. – Не смей сожалеть! Не смей считать себя виноватой в чем-то! Никто… Запомни! Никто и ни в чем не виноват! А ты… – Он потерся заросшей щекой о ее плечо, провел губами по выпирающей косточке ключицы. – Ты потрясающая! Я просто обожаю тебя, Настя! Просто обожаю!!!

И он ушел. Ушел, свободно распахнув ее дверь, совсем позабыв припасть к дверному глазку и обезопасить пути своего ухода. И лифт он совсем не слушал, а она-то придумала… А потом и вовсе! Вышел на лестничную клетку, двинулся к ступенькам, потом вдруг остановился, что-то вспомнив. Снова похлопал, как и давеча, себя по карманам куртки. Не нашел. Поднял глаза на нее, указал на ее голое плечо, выглядывающее из-за двери, и погрозил пальцем:

– А ну-ка, быстро оденься! Не хватало еще, чтобы ты заболела в новогоднюю ночь. Кстати, ты в курсе, что я собираюсь встретить Новый год с тобой?

– Нет.

Она мотнула растрепанной головой, не понимая, почему он совсем не соблюдает конспирацию и говорит достаточно громко. Достаточно для того, чтобы его услышали соседи из квартиры напротив. Или его жена, если она успела к этому времени вернуться.

– Ага. Так вот знай. И с работы я сегодня приду к тебе, – пообещал Панкратов и тут же полез за надрывающимся мобильником, на котором высветился телефон начальника управления. – Правда, не знаю, во сколько я вернусь…

* * *

– Дрянное дело, Серега. Очень тухлое и дрянное, – подвел черту под экстренным совещанием, закончившимся около девяти часов вечера, его соратник по оружию Ванек Воронин.

– Почему ты так думаешь? – спросил Сергей, сам не понимая, о чем спросил.

Панкратову было плевать, что именно и в какой связи думает теперь Ваня Воронин. Он думал только о Насте, только о ней одной, и о том еще, что сегодняшнюю ночь он проведет уже в ее кровати. Целая серия грабежей, которые совершали наглые налетчики, переодетые Дедами Морозами, причем уже вторую неделю, его, конечно же, волновала, но не настолько, чтобы вытеснить из мыслей Анастасию. На совещании он скорее присутствовал, чем слушал, думал и сопоставлял. Его даже начальник пару раз одергивал. Теперь вот Воронин привязался.

– А ты как думаешь, Сереж? – Иван округлил голубые глаза. – Ты как думаешь?

А он никак не думал, вот! Правильнее, он о грабежах не думал, а все больше о Насте. Грабежи – они были, есть и будут. Да, неприятно, что канун Нового года в городе омрачен

наглыми вылазками каких-то отморозков. Да, скорее всего, накрыть эту банду будет нелегко. Да, имеются уже и жалобы от пострадавших, считающих, что милиция бездействует. Но так ведь было всегда. Пострадавшие очень редко перекочевывали в разряд благодарных.

Даже если преступление раскрывалось, Панкратову редко кто говорил спасибо. Почему? Да потому, что он лез в душу с погаными ментовскими вопросами, все больше некстати, на их взгляд. Потому что очень медленно работал. Потому что вернуть награбленное редко кому удавалось: поделено, сбыто и пропито между преступниками давно уже все оказывалось к тому моменту. Много набиралось этих «потому что» за его многолетнюю практику, очень много. Вот он и привык не видеть за работой чужих эмоций. Его теперь все больше свои эмоции интересовали.

– Вот смотри, Сереж, что говорят свидетели, – не хотел униматься Ваня Воронин, хватая направившегося к выходу Панкратова под локоток. – Дедов Морозов, по описаниям, всегда трое! Один очень высокий и плотный. Второй чуть ниже и похудощавее, а третий – совсем щуплый и низкорослый. О чем это говорит?

– О чем? – рассеянно отозвался Панкратов, чтобы не молчать вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.